

почтеніе, ваше превосходительство!»! И вы не изволили замѣтить, что мнѣ слѣдуетъ называть васъ по прежнему: Семеномъ Семеновичемъ. Вы отвѣтили мнѣ: «здравствуйте!»! (вѣроятно, забыли при этомъ, какъ меня и зовутъ-то!) и подали четыре пальчика вашей руки—для пожатія... Съ тѣхъ-то самыхъ поръ, я и пересталъ васъ *жалить*, а началъ *бояться*... Помните-ли, Семень Семеновичъ, какъ однажды въ новый годъ я пріѣхалъ васъ поздравить? Вы не принимали, я оставилъ карточку... Вамъ-же неудобно было прислать мнѣ своей... Тутъ я понялъ, какая между нами стала разница, и началъ *бояться* васъ еще больше, а встрѣчаясь съ вами, не смѣлъ и помыслить назвать васъ иначе, какъ ваше превосходительство. Такъ и третьяго дня, помните-ли, какъ я раскланивался и просилъ васъ: «ваше превосходительство, осчастливьте именинника, пожалуйста откушать хлѣба-соли...» И вы удостоили пожаловать откушать хлѣба-соли... чѣмъ и премного осчастливили вашего *нижайшаго холопа* Александра Мартынова!

При этомъ Александръ Евстафьевичъ всталъ со стула и, низко касаясь правой рукой до полу, поклонился Семену Семеновичу...

Послѣ такого чистосердечнаго объясненія, Семень Семеновичъ на всю жизнь сдѣлался заклятымъ врагомъ Александра Евстафьевича.

Можетъ быть, впоследствии Александръ Евстафьевичъ и очень жалѣлъ, что высказался такъ откровенно передъ Семеномъ Семеновичемъ, но *въ извѣстные часы* онъ рѣшительно не былъ способенъ воздержаться, чтобы не высказать не только того, что его тревожило и оскорбляло, но и просто своего мнѣнія о комъ-либо изъ присутствующихъ, если таковой ему не нравился.

Александръ Евстафьевичъ былъ также мастеръ давать

иногда отвѣты, хотя не подходящіе къ дѣлу, но за то гонущіе ввести въ недоумѣніе вопрошающаго.

Такъ, однажды, вмѣсто Высочайше пожалованнаго ему подарка, Александръ Евстафьевичъ пожелалъ получить деньгами, для чего и явился въ собственный кабинетъ Его Величества, съ ассигновкою на полученіе суммы. Старикъ-казначей почему-то питалъ непріязненное чувство ко всѣмъ актерамъ и при случаѣ отпускалъ колкости на ихъ счетъ. Такъ и на этотъ разъ, выдавая деньги Александру Евстафьевичу, онъ съ провіею спросилъ его:

— За что это вы изволили получить такой дорогой подарокъ?

— *За зеленый сыръ*, отвѣчалъ, нисколько не задумавшись, Александръ Евстафьевичъ.

Гостепрѣимство И. П. Сосницкаго было *ничто*, въ сравненіи съ гостепрѣимствомъ А. Е. Мартынова, такъ какъ къ нему гости собирались не одинъ разъ въ недѣлю, но *ежедневно*, послѣ спектакля—на ужинъ*), продолжавшійся до утра, то есть вся ночь проводилась *въ подъ и тѣнь*.

Во сколько обходилось подобное гостепрѣимство Александру Евстафьевичу, можно судить по тому (какъ онъ самъ разсказывалъ), что ежемѣсячный счетъ, подаваемый ему булочникомъ, никогда не бывалъ менѣе **ста** рублей...

Если почтенные гости Александра Евстафьевича умѣли съѣдать на таковую сумму одного хлѣба, то въ какую-жъ сумму должно было обходиться хозяину *приварочное* для

*) Нужно замѣтить, что эти ужины никогда не посѣщались *товарищами* Александра Евстафьевича, напр., В. В. Самойловымъ, П. А. Каратыгиннымъ, А. М. Максимовымъ и П. И. Григорьевымъ. Это было сборище *молодежи*, ни по лѣтамъ, ни по таланту не *подходящей* къ Александру Евстафьевичу.

нихъ? И какое количество вина требовалось для утоленія жажды, въ продолженіе всей ночи, для своры гостей, обладающихъ такимъ прекраснымъ аппетитомъ?..

И что было обидно и горько за Александра Евстафьевича, что тѣ самые гости, которыхъ онъ такъ радушно принималъ и *откармливалъ*, надъ нимъ-же (разумеется, заглазно) подтрунивали и съ наглою, лакейскою безцеремонностію высказывались, что «пользуются его радушіемъ потому, что въ *мартиновскомъ трактирѣ* ующеніе обходится несравненно дешевле *всѣхъ прочихъ*».

И такимъ-то *благороднымъ и благодарнымъ* друзьямъ Александръ Евстафьевичъ принесъ въ жертву *свою жизнь!* Это не покажется преувеличеніемъ, если взять въ соображеніе слѣдующее: во-первыхъ, ночи, проводимыя безъ сна, сильно вліяли на его разбитое здоровье (онъ уже нѣсколько лѣтъ страдалъ чахоткою); во-вторыхъ, все, что онъ получалъ, проживалось имъ до копѣйки. И счастье еще, если концы съ концами сводились круглый годъ. Иногда же случались передержки, для покрѣтія которыхъ онъ долженъ былъ предпринимать поѣздки въ провинціи *).

Необходимость зарабатывать деньги *разовыми* заставляла его играть, сплошь и рядомъ, *черезъ силу*. Въ особенности въ послѣдніе года его службы онъ переносилъ много страданій... Бывало, *тяжело и страшно* смотрѣть, какъ онъ, сидя позади декораціи, ожидая выхода на сцену, тяжело, *порывисто* дышалъ, а закашлявшись, *отхаркивался кровью* съ *запальный* платокъ. Но, выходилъ на сцену, и куда дѣвалась болѣзнь!..

*) Эти подробности слышаны пишущимъ отъ самого покойнаго Александра а Евстафьевича.

Публика не воображала и не могла вообразить, что ее *смишитъ* полумертвецъ, дни котораго уже сочтены!

И въ такомъ-то положеніи, Александръ Евстафьевичъ *принужденъ* былъ ѣздить въ провинціи, для покрытія *передержекъ*, происходящихъ отъ радушнаго приѣма своихъ *добрыхъ друзей!*

Такъ и умеръ Александръ Евстафьевичъ, въ трудахъ черезъ-силу и вдали отъ горячо любимыхъ имъ дѣтей *).

Бъ счастію, хотя передъ смертію, при немъ былъ чело-вѣкъ достойный и искренно ему преданный: Александръ Евстафьевичъ умеръ на рукахъ Александра Николаевича Островскаго **)

*) Александръ Евстафьевичъ женѣ и дѣтямъ оставилъ пенсію въ 1,333 р. с.

Онъ былъ женатъ на дочери, извѣстныхъ въ свое время: балетнаго актера танцовщика Павла Алексѣевича и опереточной актрисы Марьи Федоровны Шелиховыхъ.

Жена Александра Евстафьевича хотѣла также сдѣлаться *актрисою*, но дебюты ея были неудачны.

**) А. Е. Мартыновъ умеръ въ Харьковѣ, 16 августъ 1869 г., откуда былъ перевезенъ въ Петербургъ и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ, при громаднѣйшемъ стеченіи народа.

Глава III.

Алексѣй Михайловичъ Максимовъ. Что побудило его сыграть роль „Гамлета“. Удачное исполненіе „Гамлета“ и нѣкоторыхъ еще ролей Каратыгинскаго репертуара и вполнѣ неудавшійся роль „Людовика XI-го“. Неспособность Максимова на роли стариковъ. Примѣръ Максимова побудилъ В. В. Самойлова и А. Е. Мартынова испытать свои силы въ драмахъ Покушеніе и второстепенныхъ актеровъ на амблѣ Каратыгина. Любовь Императора Николая Павловича къ Максиму и Мартынову, выражаемая Всемилюстивѣйшимъ вниманіемъ и часто жалуемымъ подарками. Поѣздка Максимова за границу въ драмахъ Покушеніе здоровья, по приказанію Императора, на высочайше пожалованную сумму. Подчиненіе Максимова волѣ своей жены, что служило большимъ для него счастьемъ. Усердіе Максимова на пожертвованія для церкви. Расходы Максимова по театральному буфету. Вредъ отъ любви публики. Безалаберная жизнь. Отзывъ знаменитаго врача о здоровьѣ Максимова. Религіозность, доброта, любовь къ семейной жизни и нравственныя страданія Максимова отъ безхарактерности. Веселость его характера и анекдоты, бываемыя съ нимъ. Объясненіе Максимова съ знаменитымъ Брюловымъ. Молитва на сонъ грядущій съ мѣховою шапкою на головѣ. Послѣдніи минуты и смерть Максимова. Цѣнное собраніе книгъ духовнаго содержанія, отказанное имъ монастырю. В. В. Самойловъ. Его амблѣ тридцать лѣтъ назадъ. Способность его копировать личности и создавать типы. Надежда Васильевна Самойлова какъ актриса и пѣвица. Вниманіе Императора Николая Павловича къ Самойловой и Ею путки съ нею. Вѣра Васильевна Самойлова. Ея раннее оставленіе сцены.

лексѣй Михайловичъ Максимовъ — *одноклассникъ*, ровестникъ и *добрый пріятель* Александра Евстафьевича Мартынова. Они вмѣстѣ воспитывались, въ одинъ выпускъ вышли изъ театральнаго училища, вмѣстѣ предавались *развлеченіямъ* въ часы, свободные отъ занятій, вскорѣ одинъ послѣ другаго женились и оба умерли отъ чахотки, въ небольшой промежутокъ времени (Максимовъ пережилъ Мартынова однимъ годомъ и нѣсколькими днями. Онъ умеръ 3-го Сентября 1861 года).

Алексѣй Михайловичъ имѣлъ счастье сдѣлаться любимцемъ публики, прежде нежели началъ свою дѣйствительную службу: онъ послѣдніе годы пребыванія въ училищѣ игралъ уже значительныя роли *молодыхъ людей* съ большимъ успѣхомъ, несмотря на то, что тогда существовалъ еще знаменитый Николай Осиповичъ Дюръ въ полномъ развитіи своего таланта.

Чтобы опредѣлить талантъ Н. О. Дюра, довольно сказать, что, послѣ его смерти, исполняемый имъ репертуаръ раздѣлился между *тремя* актерами: къ А. М. Максимову перешли роли *первыхъ любовниковъ*, въ А. Е. Мартынову — *комическія* и къ Василию Васильевичу Самойлову — роли *характерныя* и опереточныя.

Насколько эти трое были хороши въ ампуа, унаслѣдованномъ ими отъ Дюра, на столько же Дюръ былъ совершененъ во всѣхъ этихъ разнообразныхъ отрасляхъ драматическаго искусства.

Въ началѣ службы, Алексѣй Михайловичъ игралъ лишь тѣ роли молодыхъ людей, которыя *уступалъ* ему Николай Осиповичъ.

Только по смерти Дюра, Максимовъ сдѣлался *полновластнымъ хозяиномъ* ампуа первыхъ любовниковъ, водевилныхъ и драматическихъ.

Игра Алексѣя Михайловича въ серьезныхъ роляхъ отличалась: *натуральностью, чувствомъ и страстностью*; въ роляхъ же комическихъ онъ бывалъ необыкновенно *живо и весело*. Хотя, говоря по справедливости, иногда прибѣгалъ и къ *фарсу*, чему причиною было вовсе не то, чтобы онъ не могъ обойтись безъ фарса, но фарсилъ онъ съ единственною цѣлью — посмѣшить товарищей, играющихъ съ нимъ въ одной пьесѣ, или какого-нибудь добраго пріятеля, сидящаго въ креслахъ. Фарсы Алексѣя Михайловича

заклучались въ особенныхъ, ему лишь присущихъ гримасхъ, въ произношеніи фразы какимъ-то своеобразнымъ, хриплымъ голосомъ и принятіи, на одно мгновение, до невѣроятности искривленной позы.

Расположеніе къ фарсу у Алексѣя Михайловича (какъ замѣчали его сослуживцы) являлось тогда, когда онъ въ день спектакля обѣдалъ *въ дружеской бесѣдѣ* и пріѣзжалъ въ театръ немножко *въ откровенномъ настроеніи*. Но такіе случаи бывали не часты. Вообще, Алексѣй Михайловичъ къ дѣлу относился серьезно: никогда не позволялъ себѣ выходить на сцену съ нетвердой ролью. Въ каждой новой роли, при выходѣ на сцену, онъ *робѣлъ* точно такъ-же, какъ при *первомъ своемъ дебютѣ*; это продолжалось съ нимъ до конца его жизни (въ чемъ онъ самъ откровенно сознавался). Каждый разъ, передъ выходомъ на сцену, Алексѣй Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе *трижды перекреститься большимъ крестомъ*.

Алексѣй Михайловичъ, какъ началъ свое сценическое поприще: *молодыми людьми и любовниками*, такъ ими-же и покончилъ, несмотря на то, что умеръ на пятидесятомъ году. На сценѣ онъ былъ очень моложавъ, чему много способствовала его хотя и черезъ-чуръ худошавая, но стройно сложенная и подвижная фигура.

Въ прежнихъ актерахъ не было такой самонадѣянности, какая начала появляться въ ихъ послѣдователяхъ, считающихъ свои таланты всеобъемлющими, и потому не отступающими ни передъ какой ролью. Нѣтъ, прежніе были поскромнѣе! А. М. Максимовъ и Василій Васильевичъ Самойловъ, при своихъ уже всеми признанныхъ талантахъ и при ихъ громаднѣйшей практикѣ, при жизни В. А. Каратыгина не дерзали посягать на его роли.

Точно также и А. Е. Мартыновъ, лишь въ послѣдніе

года своей жизни, рѣшился испытать себя въ роляхъ драматическихъ («Скупой», «Отецъ семейства» и друг.), и оказалось, что драматическій талантъ столько-же присущъ ему, какъ и комическій.

Алексѣй Михайловичъ никогда-бы не рискнулъ играть «Гамлета», еслибъ не былъ поощренъ на то самимъ Васильемъ Андреевичемъ, который, еще за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, совѣтывалъ Алексѣю Михайловичу сыграть роль «Гамлета», находя и сознаваясь, что самъ онъ уже *тяжелъ* для нея.

— Нѣтъ, Василій Андреевичъ, отвѣчалъ на это Алексѣй Михайловичъ, пока вы на сценѣ—страшногато!..

— Вотъ вздоръ! Учи роль—я съ тобой *пройду* и увѣренъ, что ты въ ней будешь хорошъ... А я сыгралъ-бы «короля».

— Э! Благодарю покорно!.. воскликнулъ Алексѣй Михайловичъ. Значить—публика «Гамлета» и не увидитъ, а будетъ смотрѣть одного «короля»!

Прошло нѣсколько лѣтъ. Василій Андреевичъ умеръ.

Актеръ Прусаковъ, когда ему за многолѣтнюю службу назначили бенефисъ, обратился къ Алексѣю Михайловичу съ просьбою сыграть «Гамлета»—*ради сбора*.

Алексѣй Михайловичъ долго колебался, отказывался, но, наконецъ, просьбы товарища, да и собственное желаніе *попытть силы* одержали верхъ, и онъ рискнулъ.

Предсказанія Василья Андреевича сбылись: Алексѣй Михайловичъ сыгралъ «Гамлета» превосходно! Затѣмъ, ободренный успѣхомъ, онъ дерзнулъ еще на нѣкоторыя роли каратыгинскаго репертуара, какъ-то: «Кина» и «Сына любви»,—успѣхъ былъ полный! Даже многіе находили, что въ «Кинѣ» *Максимовъ былъ лучше Каратыгина*. (что могло казаться по той причинѣ, что Василій Андреевичъ,

какъ я упоминалъ выше, *въ французскихъ роляхъ былъ тяжель* и не подходилъ къ нимъ по своей *колоссальности и грандиозности*).

Сейчасъ я сказалъ, что у прежнихъ актеровъ не было излишней самонадѣянности; но къ этому должно прибавить, что однажды она увлекла Алексѣя Михайловича, за что онъ и поплатился. Впрочемъ, хорошо зная покойнаго, думаю, что это случилось *не отъ самонадѣянности*, а скорѣе *отъ недостатка глубокаго вникновенія въ дѣло и строгой про-ѣрки своихъ средствъ*. Увлечшись удачнымъ исполненіемъ нѣкоторыхъ каратыгинскихъ ролей, онъ дерзнулъ на такую, которая и въ репертуарѣ Каратыгина считалась *коронною* ролью. Это «Людвикъ XI», въ драмѣ «Заколдованный домъ». Подобная опрометчивость, со стороны такого опытнаго актера, какимъ былъ Алексѣй Михайловичъ, просто непонятна! Неужели онъ не сознавалъ въ себѣ *рѣшительной неспособности* — изображать *человѣка стараго*? Кромѣ того, въ немъ не было и *королевскаго величія*. Если Алексѣю Михайловичу когда случалось играть стариковъ (напр. «Фрицъ», въ «Ломоносовѣ»), то въ немъ былъ видѣнъ не больше — какъ *человѣкъ въ седомъ парикъ*, которому не соответствуютъ: ни гримировка, ни голосъ, ни движенія (такъ было до конца его жизни, хотя онъ умеръ немолодымъ уже человѣкомъ).

Сыгралъ Алексѣй Михайловичъ «Людвика XI» до того слабо, что публика, вѣроятно, лишь въ уваженіе его прежнихъ заслугъ, и на этотъ разъ отнеслась къ нему благосклонно...

Но «ошибка въ фальшь не ставится», и все-таки честь открытія и проложенія дороги, для товарищей, въ запозднѣнный репертуаръ В. А. Каратыгина, безспорно, принадлежитъ Алексѣю Михайловичу. Онъ рискнулъ первый,

за нимъ рискнулъ Василій Васильевичъ Самойловъ, а глядя на нихъ, и Александръ Евстафьевичъ. не желая отставать отъ товарищей, дерзнулъ также на драму...

Не диво, что рискнули люди талантливые, но по ихъ слѣдамъ туда-же двинулась-было и нѣкоторая посредственность. Такъ, нѣкто Л., перешедшій въ Петербургъ изъ провинціи (писавшійся въ афишѣ М. М.), играющій *довольно прилично* лишь молодыхъ людей въ водевиляхъ, но считающій себя отнюдь не ниже Максимова и Самойлова, не долго думая, взялъ также каратыгинскую роль «Нино», въ трагедіи: «Уголино»... И какая-жь вышла эта трагедія!...

Во время спектакля, послѣ сьиграннаго перваго акта, «Нино», видя, что *не вывозитъ*, вздумалъ *поддывать себѣ жару*: передъ каждымъ выходомъ на сцену, сталъ *принимать по глотку вина* (которое прежде никогда имъ не употреблялось). Вслѣдствіе таковыхъ *пріемовъ*, въ послѣднемъ актѣ «Нино» оказался *въ препорядочномъ авантажѣ*...

Но ни гробовое молчаніе публики въ продолженія первыхъ четырехъ актовъ, ни ея *шканье* во время паденія занавѣса, при концѣ пятаго акта, ни отзывы сослуживцевъ, ничто не могло убѣдить «Нино», что онъ сѣлъ не въ свои сани. Онъ остался при своемъ: что его *не поняли*...

Случилось такъ, что вскорѣ послѣ злополучнаго представленія «Уголино», во время спектакля, въ одну изъ уборныхъ входитъ начальникъ репертуарной части и застаегъ актеровъ, горячо спорящихъ. Поводомъ къ спору послужило то, что нѣкоторые изъ актеровъ старались доказать М. М., въ чемъ заключалась его несостоятельность въ роли «Нино» (вопросъ этотъ былъ поднятъ самимъ М. М. Вообще-же у актеровъ не принято ни порицать въ глаза, ни хвалить, даже и заглазно, товарища). Увидя

вошедшаго начальника реперт. части, М. М. встрѣчаетъ его такую рѣчью:

— П. С., обращаюсь къ вамъ, не какъ къ начальнику, но какъ къ человѣку, глубоко понимающему искусство. Прошу васъ сказать по совѣсти, какъ я сыгралъ «Нино»?

Вызовъ на такую откровенность, видимо, нѣсколько офрапировалъ П. С. и какъ начальника, и какъ человѣка, глубоко понимающаго искусство. Сообразившись немного, онъ отвѣчалъ:

— Извините, Михайло Андреевичъ, но я долженъ сказать, что вы были очень... слабы...

Михайло Андреевичъ глубоко вздохнулъ, закинулъ голову назадъ и, закативъ глаза, проговорилъ томнымъ голосомъ:

— Но, согласитесь, однако, что были-же мгновения высокія? Начальникъ р. ч. промочалъ.

Неизвѣстно, было-ли это молчаніе знакомъ согласія!

А. М. Максимовъ и А. Е. Мартыновъ почти ни въ чемъ не отставали другъ отъ друга: оба были любимцами, не только публики, но и въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича, который часто изволилъ не только разговаривать, но даже шутить съ ними.

Изъ всего мужскаго персонала драматической труппы, эти два счастливца, болѣе всѣхъ прочихъ актеровъ, пользовались таковымъ милостивымъ вниманіемъ и они-же (Максимовъ въ особенности) чаще всѣхъ удостоивались получать подарки отъ Государя Императора и другихъ Высочайшихъ особъ.

Милостивое вниманіе его величества не ограничивалось этимъ. Когда Максимовъ, въ молодыхъ еще лѣтахъ, вслѣдствіе *различныхъ неосторожностей*, сильно разстроилъ

свое здоровье, Государь Императоръ, однажды, разговаривая съ нимъ, изволилъ сказать:

— Ты много шалишь! Это дурно!.. Посмотри, на что ты похожъ?!.. Тебѣ нужно серьезно лечиться, ѣхать за границу!

И на слѣдующее лѣто, Максимовъ уѣхалъ за границу, получа на то сумму изъ собственного его величества кабинета.

Алексѣй Михайловичъ не хотѣлъ-было отставать отъ Александра Евстафьевича и въ устроении для *дорогихъ друзей лुकюловскихъ ужиновъ*, но встрѣтилъ противъ онаго сильнѣйшій протестъ со стороны своей молодой жены*), который заставилъ его отказаться отъ такового своего желанія.

Къ счастью Алексѣя Михайловича, судьба, надѣлившая его *съ избыткомъ безхарактерностію*, въ тоже время наградила жену его и *характеромъ, и твердою волею въ двойныхъ порціяхъ*.

Алексѣй Михайловичъ, женясь, не получалъ еще полнаго оклада, а долговъ имѣлъ ровно *на двадцать одну тысячу* ассигнаціями. Но проживши съ женою двадцать лѣтъ, умеревъ, онъ не остался должнымъ никому *ни одной копейки*. Жилъ-же всегда такъ, какъ *примечествуетъ жилищному семьянину*. Кромѣ того, находилъ еще возможнымъ удѣлять довольно значительныя суммы на различныя пожертвованія, **) и при всемъ этомъ, оставилъ свою жену вполнѣ обезпеченною.

*) А. М. былъ женатъ на Натальѣ Сергѣевнѣ Аполлонской, которая была балетною актрисою и танцовщицею и въ свое время считалась красавицею.

**) Такъ, напримѣръ, имъ возобновлена одна изъ церквей въ новгородскомъ Воскресенскомъ Деревянницкомъ монастырѣ, гдѣ

Но все-бы это было рѣшительно не такъ, если-бы Алексѣй Михайловичъ руководился *собственною своею волею*. Повторяю, къ своему счастью, онъ *сумѣлъ подчиниться* благоразумной волѣ своей жены. Алексѣй Михайловичъ вполнѣ это сознавалъ и не стыдился сознаваться въ этомъ. Весьма часто приходилось слышать отъ него слѣдующее:

— Если-бы не Наталья, я-бы запутался хуже мартышечки (т. е. А. Е. Мартынова)...

Не болѣе-же, какъ за часъ до своей смерти, онъ сказалъ братьямъ:

— *Поберегите Наталью... Она много для меня сдѣлала... Если-бы не она—меня бы похоронить было не-начто.*

И съ этимъ совершенно соглашаешься, когда припомнимъ холостую жизнь Алексѣя Михайловича *). Довольно сказать, что часто полный сборъ, полученный имъ съ бенефиса, цѣликомъ уходилъ на покрытие годового счета въ буфетъ Александринскаго театра. Возлѣ Алексѣя Михайловича (какъ и возлѣ Александра Евстафьевича) всегда увивались, какъ голодные акулы, *преданныйшіе друзья*, готовые на всякую *послугу и лесть* за приличное угощеніе.

Любовь публики для актера составляетъ все. Въ ней честь и слава, деньги и гордость. Алексѣй Михайловичъ и Александръ Евстафьевичъ сумѣли заслужить эту лю-

Алексѣй Михайловичъ, по его желанію, и погребенъ (въ паперти собора, по лѣвую сторону дверей). Всѣ Высочайше жалованные ему подарки пожертвованы (по завѣщанію) въ тотъ же соборъ, на украшеніе ризы на иконѣ Божіей Матери.

*) И не одного его: такая-же жизнь велась Алекс. Евст. Мартыновымъ, Петромъ Алексѣевичемъ и Александромъ Ефимовичемъ Смирновыми и многими другими актерами.

бовь, но... та-же самая любовь много способствовала и гибели ихъ здоровья. Нѣкоторая, и довольно значительная, часть публики, такъ называемые «кресельники» (состоящая тогда изъ гвардейскихъ офицеровъ и прочей богатой молодежи), любила Максимова и Мартынова, какъ артистовъ и, кромѣ того, *пріятныхъ собесѣдниковъ*. Вслѣдствіе чего, Алексѣй Михайловичъ и Александръ Евстафьевичъ вели жизнь слѣдующимъ порядкомъ: утро посвящалось репетиціямъ, день — разучиванію ролей, вечеръ — участію въ спектаклѣ, а ночь — дружескимъ пирушкамъ. На сонъ-же употреблялось ими время урывками, кое-какъ. И такимъ образомъ проводилась (правильнѣе: *короталась*) ихъ жизнь, отъ выхода изъ училища до женитьбы, а женились они уже не въ первой молодости. (Къ несчастію, Александръ Евстафьевичъ, и женись не смогъ отрѣшиться отъ этой безалаборщины). Мудрено-ли послѣ того, что оба они погибли отъ чахотки... Знаменитый въ то время докторъ Макнабъ, пользовавшій Алексѣя Михайловича, выслушавъ откровенную исповѣдь всей его жизни, сказалъ:

— Я практикую болѣе пятидесяти лѣтъ, но такой пациентъ, какъ вы, у меня первый. Природа дала вамъ желѣзное сложеніе: то, что вы себѣ позволяли — обыкновенная человѣческая натура *не можетъ и не должна* выносить...

Алексѣй Михайловичъ въ душѣ былъ религіозенъ, всегда любилъ семейную, домашнюю жизнь, искренно сочувствовалъ горю ближняго, съ готовностію принести посильную помощь, словомъ, былъ человѣкомъ добрымъ, но управлять собою рѣшительно не умѣлъ, что имъ самимъ сознавалось и что отравляло всю его жизнь, нанося ему глубокія, нравственныя страданія, и отчего онъ до самой смерти старался избавиться, но тщетно! Силъ не хватало!

А между прочимъ, *въ бесѣдахъ* не было человѣка веселѣе Алексѣя Михайловича. И врядь-ли съ кѣмъ изъ смертныхъ случалось столько анекдотовъ, какъ съ нимъ.

Такъ, однажды, въ Петербургѣ совершался полетъ воздушнаго шара. Когда воздухоплаватель обратился къ публикѣ, съ вопросомъ: «нѣтъ-ли желающихъ раздѣлить его путешествіе?» — въ отвѣтъ ему раздается звонкій голосъ:

— Есть!... Подожди, нѣмецъ... сейчасъ полетимъ вмѣстѣ... И изъ среды зрителей къ аэростату направляется Алексѣй Михайловичъ. Публика встрѣчаетъ его аплодисментами, но только-что онъ хотѣлъ вѣсочить въ гондолу, какъ былъ удержанъ за руку кварталнымъ надзирателемъ.

— Г. Максимовъ, куда вы это?

— Туда, кверху, отвѣчаетъ онъ.

— Этого нельзя... Съ какой стати подвергаться опасности! урезонируетъ кварталный. Но Алексѣй Михайловичъ увѣряетъ, что онъ любитъ опасности, и доказываетъ, что вполне воленъ располагать своими временемъ и жизнью, въ силу чего рѣшительно настаиваетъ на полетѣ. Одна часть публики требуетъ того-же, другая—большая—вмѣстѣ съ кварталнымъ, противъ полета... Словомъ, началось, хотя и курьезное, но все-таки смятеніе.

Бъ счастью, на мѣсто дѣйствія является частный приставъ.

Алексѣй Михайловичъ, хотя и хорошо былъ знакомъ съ частнымъ приставомъ, но на этотъ разъ какъ-будто не узналъ его и обратился къ нему съ горячею жалобою на *самоуправство* кварталнаго надзирателя.

Частный приставъ, выслушавъ такъ-же очень серьезно жалобу, отвѣчалъ:

— Г. квартальный совершенно правъ: онъ не могъ вамъ дозволить.

— Вотъ тебѣ на! воскликнулъ Алексѣй Михайловичъ, сдѣлавъ одну изъ своихъ гримасъ. Почему-жъ онъ не могъ?

— Вы предъявляли ему отпускъ вашего начальства? спрашиваетъ приставъ.

— Нѣтъ!

— И даже полицейскаго свидѣтельства?

— Тоже нѣтъ!

— Ну, такъ кто-же можетъ отпустить васъ, состоящаго на казенной службѣ, летать безъ дозволенія начальства?

— Э! протянулъ Алексѣй Михайловичъ, а затѣмъ, обратясь къ аэроавту, закричалъ:

— Дѣлать нечего! Сегодня, нѣмецъ, лети одинъ, а на будущей разъ я явлюсь съ отпускомъ.

Другой случай былъ на пути изъ Новгорода въ Петербургъ. Въ вагонѣ, между пассажирами, завязался общій разговоръ о театрѣ. И когда какой-то купецъ, старикъ почтенной наружности, съ сѣдою бородой по поясъ, сказалъ, что театръ есть ничто иное, какъ домъ гибели и распутства, а что комедіанты (т. е. актеры) «только бѣсѣ тѣшатъ», то Алексѣй Михайловичъ не вытерпѣлъ и, вставши и вытянувшись во весь ростъ, строго и громко на весь вагонъ, произнесъ, обращаясь къ купцу, слѣдующую фразу:

— Еще одно подобное слово и... *въ двадцать четыре часа*, ты будешь солдатомъ!..

— Что?! взревѣлъ неистово купецъ, также вскочивъ съ мѣста. — Я — солдатомъ?!.. Я — коммерціи совѣтникъ и кавалеръ?!..

— Да! И *въ двадцать четыре часа!* повторилъ, по прежнему строго, Алексѣй Михайловичъ.

И пошла исторія! Купецъ выходилъ изъ себя, требовалъ немедленнаго остановленія поѣзда, кричалъ жандармовъ; Алексѣй Михайловичъ не терялъ строго-величественной осанки; публика хохотала...

Кончилось, однако, тѣмъ, что на слѣдующихъ станціяхъ коммерціи совѣтникъ также примкнулъ къ партіи Алексѣя Михайловича, чокался со всѣми пренсправно и отъ души хохоталъ, что нежданно-негаданно, доживая седьмой десятокъ, чуть-чуть-было не угодилъ въ солдаты...

Покойный Карлъ Павловичъ Брюловъ (знаменитый живописецъ), къ несчастію, былъ также подверженъ слабости: *не отставать отъ прочихъ въ часы откровенныхъ настроеній*. Но когда его *откровенность* достигала высшей точки, тогда онъ дѣлался *немногословенъ* и ограничивался краткими отвѣтами: «да» и «нѣтъ!»

Алексѣй Михайловичъ, хотя давно и хорошо былъ знакомъ съ Карломъ Павловичемъ и сходилъ съ нимъ чуть-ли не ежедневно, такъ какъ кружокъ знакомства у нихъ былъ общій, но однажды онъ почувствовалъ потребность высказать Карлу Павловичу свое удивленіе къ его таланту.

Случай представился благопріятный, такъ какъ оба они сидѣли другъ противъ друга, опершись локтями на раздѣляющій ихъ маленькій столикъ и поддерживая руками голову, пристально смотрѣли одинъ другому въ лице и изрѣдка—икали.

Наконецъ, Алексѣй Михайловичъ заговорилъ:

— Карлъ Павловичъ, я смотрю на васъ!..

— Да?.. спрашиваетъ тотъ.

— Смотрю и думаю: какой вы талантъ!..

— Да!..

— Однако-жъ, Карлъ Павловичъ, вѣдь и я талантъ?..

— Да!..

— Карль Павловичъ, вѣдь вы талантъ величайшій!..

— Да!..

— Но, вѣдь и я то-же...

— Да!..

— Карль Павловичъ, вѣдь вы геній?!

— Да!..

— Карль Павловичъ, вѣдь я передъ вами — дрянъ?!..

— Да!..

Тѣмъ-же тономъ заключилъ Карль Павловичъ, и снова настало безмолвное созерцаніе другъ друга...

Алексѣй Михайловичъ долго былъ увѣренъ, что жена не замѣчаетъ, когда онъ является изъ гостей *въ откровенномъ настроеніи*, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ онъ возвращался домой въ исходѣ ночи и заставалъ жену спящею.

Возвратясь однажды, Алексѣй Михайловичъ, чтобы не беспокоить жену, даже не зажегъ свѣчку. (Въ спальнѣ было довольно свѣтло отъ лампы, постоянно горѣвшей передъ кіотомъ). Алексѣй Михайловичъ переодѣлся, выкурилъ папиросу, а затѣмъ, *помолясь* на сонъ грядущій, подошелъ къ столику, чтобы выпить стаканъ квасу.

— Алеша! замѣчаетъ ему жена, ты-бы *снялъ шапку*: здѣсь не холодно...

Дѣло было зимою, а потому на Алексѣѣ Михайловичѣ находилась высокая бобровая шапка, которую онъ забылъ снять.

Максимовъ и Мартыновъ во всемъ шли одинаково; даже и жизнь ихъ угасала одновременно: у Алексѣя Михайловича, также какъ у Александра Евстафьевича, сначала изрѣдка, періодически, стало показываться кровохарканіе, которое мало по малу увеличивалось и учащалось. На

бѣду еще, въ одно изъ представлений драмы «Маркидантка», во время сраженія, актеръ В. печально ударилъ Алексѣя Михайловича эфесомъ сабли въ лѣвый бокъ. Въ ночь Алексѣй Михайловичъ заболѣлъ серьезно, воспаленіемъ въ боку, послѣ чего кровохарканье почти уже не прекращалось... Докторъ посовѣтывалъ лечение кумысомъ, для чего Алексѣй Михайловичъ, на слѣдующую весну, и отправился въ Самару.

Лечение кумысомъ, казалось, принесло ему большую пользу. Возвратясь изъ Самары, онъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ, что подтверждалось не только цвѣтомъ, но даже и полнотою его лица. Но все это только такъ *казалось*, въ чемъ и пришлось разочароваться очень скоро.

Въ половинѣ Іюля мѣсяца (того-же лѣта), Алексѣй Михайловичъ, вмѣстѣ съ женою, поѣхалъ въ Новгородъ, въ Деревяницкій монастырь, чтобы говѣть тамъ въ Успенскомъ посту. Въ монастырѣ захворалъ онъ нарывомъ въ горлѣ. Эта новая, такъ сказать, *приватная* болѣзнь хотя и окончилась благополучно, но отняла послѣдній, ничтожный запасъ силъ, скопленныхъ имъ при помощи кумыса... Въ половинѣ Августа, Алексѣя Михайловича привезли, едва живаго, изъ Новгорода въ Петербургъ, а Сентября 5-го числа, его снова перевезли въ Новгородъ уже для погребенія.

Алексѣй Михайловичъ до послѣдней минуты былъ въ памяти, но лишь тогда, когда глаза его были открыты; когда-же онъ закрывалъ ихъ, то начиналъ бредить. Въ бреду онъ постоянно бесѣдовалъ съ своимъ пріятелемъ Александромъ Евстафьевичемъ, потому что часто произносили фразы: «*такъ-то братъ Мартышенька*», или: «*нѣтъ, Мартыша, не то ты поешь!*» Однажды, послѣ такого бреда,

открывши глаза, онъ сказалъ своему брату, сидѣвшему возлѣ него: *«какія грезы—чудеса»*

За нѣсколько часовъ до кончины, Алексѣй Михайловичъ попросилъ пить молока, которое и было подано ему въ стаканѣ.

— Развѣ я такъ могу пить? сказалъ онъ и, немного помолчавъ, прибавилъ: меня теперь нужно поить какъ ребенка.

— Это какъ-же такъ? спросилъ братъ его, не понимая.

— Рѣзвѣ ты не знаешь, какъ поить дѣтей? сказалъ онъ нетерпѣливо. Разумѣется, *изъ рожка... изъ стеклянной рожка*, добавилъ онъ тономъ, не допускающимъ возраженій...

Къ счастью, стеклянный рожокъ отыскался въ ближайшей лавкѣ и, наполненный молокомъ, былъ поданъ Алексѣю Михайловичу, который не только съ удовольствіемъ, но даже съ жадностію, выпилъ молоко все до капли; передъ тѣмъ-же онъ уже нѣсколько дней ничего не пилъ и не ѣлъ.

При совершеніи надъ нимъ обряда соборованія, Алексѣй Михайловичъ былъ уже очень слабъ, однако, во время чтенія первыхъ двухъ евангелій, онъ держалъ еще свѣчу; потомъ уронилъ ее и лежалъ все время неподвижно, съ закрытыми глазами, но сознанія не терялъ и слѣдилъ за ходомъ обряда до его окончанія. Это видно было изъ того, что, передъ чтеніемъ каждаго евангелія, онъ крестился. Послѣ соборованія, онъ не произносилъ ни одного слова. Дыханіе его было частое и тяжелое. Вдругъ, онъ открылъ глаза, устремилъ ихъ на икону Божіей Матери, поднялъ руку, очевидно, желая перекреститься, но рука тяжело упала, онъ вздохнулъ глубокимъ, полнымъ вздохомъ, и Алексѣя Михайловича не стало!

Послѣ Алексѣя Михайловича осталась замѣчательная и довольно цѣнная бібліотека духовныхъ книгъ, которая завѣщана имъ въ Старо-Ладожскій Никольскій монастырь (куда и передана его вдовою).

За полгода до своей смерти, передъ отъѣздомъ въ Самару, Алексѣй Михайловичъ снялъ съ себя фотографію, всего въ четырехъ экземплярахъ, которые и раздѣлилъ такъ: женѣ, старшей сестрѣ (Александрѣ Михайловнѣ, бывшей въ замужествѣ за актеромъ С. Я. Марковецкимъ), меньшему брату и своему *религіозному* другу Виктору Матвѣвичу Кажинскому (бывшему держеру оркестра Александринскаго театра). На двухъ послѣднихъ экземплярахъ Алексѣемъ Михайловичемъ сдѣланы слѣдующія надписи: на первомъ: «Гавріилу, брату о Христѣ и по плоти. 1861 года, Марта 26 дня». А на второмъ: «Брату о Христѣ Виктору».

Излишне будетъ распространяться о талантѣ Василія Васильевича Самойлова, котораго современники не могли еще забыть, по его столь недавнему оставленію сцены. Но тридцать лѣтъ назадъ, талантъ Василія Васильевича былъ еще не вполнѣ *опредѣленнымъ*, или, правильнѣе сказать: *шелъ по иному направленію*. Амплуа его тогда было другаго рода, въ которомъ видѣли его немногіе изъ нынѣшнихъ посѣтителей театра.

Василій Васильевичъ, при красивой наружности, обладалъ хорошимъ голосомъ (такъ что ранѣе описываемаго времени, онъ игралъ въ операхъ), и въ роляхъ молодыхъ людей, кромѣ удовлетворительнаго исполненія, былъ всегда очень *эффе-тнъ вѣщностію*. Особенно-же былъ онъ хорошъ въ пьесахъ *съ переодѣваніями* (наполнявшихъ тогдашній репертуаръ), наприм.: «Студентъ, артистъ, хористъ и аферистъ», «Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ» и друг.,

гдѣ актеръ въ одной роли представляетъ нѣсколько лицъ разныхъ званій и характеровъ.

Василій Васильевичъ очень вѣрно изображалъ типы различныхъ національностей, напр.: татарина, еврея, англичанина, чухонца и др. Вообще, онъ имѣлъ необыкновенную способность *копировать*, чѣмъ производилъ громаднѣйшіе эффекты. Напримѣръ, въ бытность въ Петербургѣ итальянскихъ знаменитостей: Рубини, Маріо и др., когда, бывало, кто-нибудь изъ нихъ услаждаетъ публику Большаго театра въ итальянской оперѣ, въ тотъ-же самый вечеръ и александринская публика *видитъ* и *слышитъ* того-же самаго артиста, *воспроизводимого* передъ нею В. В. Кромѣ того, онъ очень часто *воспроизводилъ* на сценѣ и иныхъ чѣмъ-либо замѣчательныхъ, всѣмъ извѣстныхъ и несценическихъ дѣятелей.

В. В. до того хорошо и неузнаваемо гримировался, что одному изъ актеровъ взбрела блажная мысль—сострипать четырехъ-актную комедію (названія не помню), въ которой главная *женская* роль была написана для В. В. И почтенный артистъ, хотя ни къ селу, ни къ городу, игралъ ее и игралъ удовлетворительно.

Какъ въ В. В., такъ и въ его сестрахъ, Надеждѣ и Вѣрѣ Васильевнахъ, сценическій талантъ былъ родовой, наследственный. Отецъ ихъ, Василій Михайловичъ, былъ замѣчательнѣйшимъ опернымъ пѣвцомъ и *актеромъ* *),

*) Что не малая рѣдкость. Большею частью, хорошій пѣвецъ, въ то-же время, бываетъ очень плохимъ актеромъ и на сценѣ напоминаетъ скорѣе автомата, нежели живаго человѣка. Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что, отыскивая въ русской оперѣ пѣвца-актера, отъ Василья Михайловича Самойлова слѣдуетъ перейти лишь къ Осипу Афанасьевича Петрову, да тѣмъ и закончить

а мать (имени и отчества не помню) была не менѣ замѣчательная актриса опереточная и комическая.

Надежда Васильевна Самойлова, хотя считалась актрисою водевильною, но по таланту могла считаться и драматическою, такъ какъ въ игрѣ ея, кромѣ *натуры*, было очень много *души* и *чувства*. Что-же касается исполненія ею ролей водевильныхъ, то оно отличаеся *веселостью*, *жизнью* и *огнемъ*. По голосу-же Надежда Васильевна могла быть и оперною актрисою.

Словомъ, она была такою актрисою, которая въ продолженіи всей своей сценической дѣятельности не имѣла соперницъ, и хотя прошло не мало времени съ выхода ея въ отставку, но мѣсто ея въ труппѣ до сихъ поръ остается вакантнымъ.

Надежда Васильевна была любимицей Императора Николая Павловича; онъ, посѣщая театръ, всегда разговаривалъ съ нею и часто, даже, шутилъ. Такъ, однажды, въ отвѣтъ на привѣтливость, сказанную его величествомъ, Надежда Васильевна, кланяясь, сдѣлала *глубокій реверансъ*.

Государь изволилъ сказать:

— Какъ вы это ловко дѣлаете!.. При чемъ самъ сдѣлалъ реверансъ передъ Надеждой Васильевной, и затѣмъ спросилъ:

— Ну, а ниже этого уже нельзя?

Надежда Васильевна сдѣлала реверансъ ниже.

Его величество сдѣлалъ также и опять изволилъ спросить:

— Ну, а ниже этого, вѣроятно, нельзя?

Надежда Васильевна сдѣлала реверансъ еще ниже.

Его величество засмѣялся, сказавъ:

— Нѣтъ, ужъ извините, я такъ не сдѣлаю...

Что касается Вѣры Васильевны Самойловой, занимавшей амплуа *первыхъ драматическихъ любовницъ*, то, при истинномъ талантѣ, она имѣла прекрасную сценическую наружность. При исполненіи ролей свѣтскихъ дамъ, игра ея отличалась *благородствомъ* и *взысканностью*.

Для Вѣры Васильевны писались тогда (такъ называемыя салонныя) небольшія пьесы, напр., «Странная ночь» и др. Несмотря на всю безсодержательность подобныхъ пьесъ, онѣ, благодаря участию въ нихъ Вѣры Васильевны и ей подобныхъ артистовъ, производили эффектъ на сценѣ, и очень часто давались и въ собственныхъ покояхъ ея величества, въ Бозѣ почивающей императрицы Александры Ѳеодоровны. (Вѣра Васильевна точно также имѣла счастье пользоваться любовью какъ ея величества, такъ ровно и государя императора Николая Павловича. Изъ всего женскаго персонала труппы, только сестры Самойловы удостоивались высочайшаго вниманія).

Хотя въ бытность свою на сценѣ Вѣра Васильевна и считалась (безспорно, по заслугамъ) первоклассною артисткою, но талантъ ея былъ еще не вполне *сформированъ*; онъ, очевидно, при каждой новой роли *развивался* и *совершенствовался*, *крѣпчалъ*, и многоуважаемая Вѣра Васильевна заслуживаетъ горькаго упрека за оставленіе ею сцены, тогда какъ, по всей очевидности, ей предназначалось занять и преобразить упразднившійся постъ Александры Михайловны Каратыгиной, т. е. сдѣлаться такою-же *великою трагическою актрисою новой школы*.

Василія Васильевича Самойлова, точно такъ-же можно упрекнуть за его раннее оставленіе сцены *по несоглашенію съ дирекціею!*

Тутъ кстати будетъ вспомнить, что и у Алексѣя Михайловича Максимова, такъ-же *по несоглашенію съ дирекціею*,

однажды явилось было желаніе выйти въ отставку, чего однако-же исполнить ему *не дозволила публика*.

Дѣло было такъ: когда послѣ смерти В. А. Каратыгина, В. В. Самойловъ, при возобновленіи контракта *) съ дирекціею, потребовалъ увеличенія оклада (если не ошибаюсь, въ размѣрѣ получаемого В. А. Каратыгинымъ), требованіе дирекціею было исполнено. Вскорѣ послѣ того пришло время возобновлять контракты А. М. Максимову и А. Е. Мартынову; причемъ оба они потребовали оклады, равные окладу Самойлова. Однако-же имъ были предложены, хотя и увеличенные оклады, но въ меньшемъ размѣрѣ противъ самоейловскаго (меньше на полтораста, или двѣсти рублей въ годъ). А. Е. Мартыновъ согласился на такое предложеніе. Что-же касается А. М. Максимова, то въ отзывѣ, поданномъ по этому случаю въ дирекцію, онъ высказался въ томъ смыслѣ: что окладъ, ему предлагаемый, хотя вполнѣ можетъ обезпечить его въ матеріальномъ отношеніи, но *нравственно* онъ не можетъ согласиться получать хотя *одною копѣйкою меньше* г. Самойлова, такъ какъ *обязанъ* считать себя артистомъ совершенно ему *равнымъ*...

*) Актеръ, вышедшій изъ театральнаго училища, обязанъ прослужить десять лѣтъ на окладѣ, назначаемомъ дирекціею; по окончаніи-же сего срока, онъ приобретаетъ *званіе* (если происходитъ изъ податнаго состоянія) и имѣетъ право выйти въ отставку (вышедшій-же ранѣ десяти лѣтъ обогащается въ перво-бытное состояніе; оставаясь-же на службѣ, заключаетъ контрактъ съ дирекціею (обыкновенно на три года); актеръ, поступающій *съ воли*, начинаетъ службу прямо по контракту, *званіе* же получаетъ за *десяти-лѣтнюю* службу — одинаково съ актеромъ, вышедшимъ изъ училища. В. В. Самойловъ поступилъ къ театру *съ воли*.

Въ самойловскомъ окладѣ Максимоу было отказано, и онъ вышелъ въ отставку...

Еще во время переговоровъ Максимова съ дирекціей, длчвшихся довольно долго, публика, свѣдавъ о непріятностяхъ своего любимца, стала относиться къ нему съ большимъ противъ прежняго сочувствіемъ. Всякая фраза, могущая намекнуть на тогдашнее положеніе Максимова, произносимая имъ на сценѣ, какъ напримѣръ въ комедіи: «Горе отъ ума»: *«служить-бы радъ — прислуживаться тошно»*, покрывалось взрывомъ единодушныхъ и долгихъ криковъ и рукоплесканій... Когда Максимовъ вышелъ въ отставку, публика заявила противъ нея свой протестъ слѣдующимъ образомъ: актеру, появлявшемуся на сценѣ въ роли Максимова, не дозволялось *открывать рта*, каждое его слово заглушалось дружнымъ *шканьемъ* и, кромѣ того, въ театрѣ раздавались громкіе крики: «Максимова! Максимова!...»

Въ силу таковыхъ вызововъ неслужащаго Максимова, съ нимъ снова начались переговоры дирекціи. Любовь публики вознаградила Максимова за оскорбленное самолюбіе и благодарность заставила его рѣшиться не оставлять сцену. Онъ объявилъ дирекціи, что готовъ продолжать службу, но безъ увеличенія оклада, т. е. на томъ же жалованьи, которое получалъ до переговоровъ о прибавкѣ *).

Невозможно описать тотъ восторженный приемъ, какимъ встрѣтила публика своего любимца, при новомъ его появленіи на сценѣ. Это было въ Михайловскомъ театрѣ, Алексѣй Михайловичъ въ тотъ спектакль игралъ въ двухъ пьесахъ: «Горе отъ ума» и «Заемныя жены». Аплодисменты не умолкали, вызовамъ не было конца и, кромѣ того,

*) Однако-жъ окладъ Максимова былъ увеличенъ.

Алексѣй Михайловичъ удостоился получить лавровый вѣнокъ *), перевитый лентою, съ написанными на ней названіями пьесъ, съ лучшими его ролями.

И при этомъ должно отдать справедливость женѣ Алексѣя Михайловича. Только благодаря ей, онъ могъ рѣшиться выйти въ отставку, такъ какъ денежные дѣла его въ то время были приведены женою въ совершенный порядокъ, и онъ могъ-бы легко существовать на получаемый имъ пенсіонъ. Что-же касается А. Е. Мартынова, то онъ *долженъ* былъ принять предлагаемое дирекціей, благодаря запутанности своего положенія, хотя онъ столько-же (если не больше), какъ и Алексѣй Михайловичъ, чувствовалъ себя оскорбленнымъ предпочтеніемъ, отданнымъ В. В. Самойлову; но нужда прижала самолюбіе артиста и заставила покориться обстоятельствамъ.

*) Публика тѣхъ временъ была не слишкомъ щедра на *увѣщаніе лаврами*, — т. е. чести удостоивались весьма немногіе артисты

Глава IV.

Марія Дмитріевна Дюръ. Ея необыкновенная артистическая скромность. Ея отставка и смерть. Прасковья Ивановна Орлова. Сестра ея Александра Иванова Шубертъ. Елена Ивановна Гусева. Смерть ея за кулисами Александринскаго театра. Юлія Николаевна Линская. Ея неудачные дебюты. Слава артистки и несчастіе женщины. Услужливые сослуживцы, обирающіе Линскую. Крайняя бѣдность при полученіи перваго оклада. Единственный искренній и безкорыстный другъ Юліи Николаевны. Мужъ ея—актеръ Агръмовъ. Смерть великой актрисы и ея могилы, незабываема единственнѣмъ другомъ—сторожикою Александринскаго театра. Пелагея Кузминична Громова—достоинная преемница Е. Я. Сосницкой и Ю. Н. Линской. Лизвета Матвеевна Левѣва. Катерина Николаевна Жулева. Александра Матвеевна Чптау, ея временная отставка. Потери драматической сцены: ранняя отставка Федосьи Александровны Сибтковой и гжи Загородниковой и ранняя же смерть Александры Карловны Брошель. Второсюжетныя силы драматической труппы прежнихъ времѣнь. Анна Семеновна Шедихова, Ольга Андреевна и Наталья Петровна Рамазановы. Петръ Ивановичъ Григорьевъ и Петръ Андреевичъ Каратыгинъ. Значеніе практики для актера. Александръ Ефимовичъ Смирновъ. П. И. Григорьевъ и П. А. Каратыгинъ—плодовитые и любимые публикою сценическіе авторы. П. А. Каратыгинъ—учитель драматическаго искусства въ театральномъ училищѣ. Полученная имъ медаль за 50-ти-лѣтнюю службу. П. И. Григорьевъ и А. М. Максимовъ такъ-же преподавали драматическое искусство воспитанникамъ т. у. Петръ Григорьевичъ Григорьевъ актеръ и писатель. Созданный имъ и увѣковѣчившійся на сценѣ типъ русскаго купца. Кузьма Васильевичъ Третьяковъ, какъ хорошій актеръ и превосходный деловѣкъ. Вспыльчивость его характера и происходившіе отъ того курьезы Петръ Алексѣевичъ Смирновъ, погибшій, какъ актеръ и человекъ, отъ безхарактерности.

Выше упомянуты мною артисты, на которыхъ «лежалъ репертуаръ», но и кромѣ нихъ, въ труппѣ было много замѣчательныхъ по таланту дѣятелей.

По выходѣ въ отставку Александры Михайловны Каратыгиной, многія изъ ея ролей перешли къ Марьѣ Дмитріев-

нѣ Дюръ, *) актрисѣ очень даровитой, исполнявшей, кромѣ трагическихъ ролей, и роли въ высокихъ комедіяхъ. Игра ея различалась отъ игры Александры Михайловны *большою близостію къ натурѣ*, почему она и избирала лишь тѣ роли, которыя подходили къ ея средствамъ, какъ актрисы *новой школы*. Что-же касается до каратыгинскихъ ролей—классическихъ, то на нихъ Марья Дмитріевна посягать не дерзала.

М. Д. Дюръ по наружности была, что называется, *де-белю русскою красавицею*, какъ женщина — отличалась добротою характера, а какъ артистка—*совершеннѣйшимъ отсутствіемъ гордости и самолюбія*, замѣняемыхъ необыкновенною скромностью, чему доказательствомъ служить то, что она, бывши всегда любимницею публики, при выходѣ въ отставку, *не пожелала* заявить на афишѣ, что играетъ *въ послѣдній разъ* (примѣръ небывалый), почему и простилась съ публикою безъ особенныхъ овацій.

Прасковья Ивановна Орлова (урожденная Куликова, жена московскаго актера), перешедшая на петербургскую сцену съ московской, хотя играла и въ драмахъ, но была болѣе замѣчательна какъ актриса комическая (превосходна была въ роляхъ, подобныхъ «Сурмиловой», въ водевилѣ «Левъ Гурычъ Синичкинъ», и «Актрисы», въ вод. «Френологъ и Физиономистъ» и т. п.). Прасковья Ивановна получила полный пенсіонъ, далеко не дослуживъ

*) Вдова извѣстнаго Николая Осиповича Дюръ (урожденная Новицкая), по смерти мужа перешедшая въ драматическую труппу изъ балетной. М. Д. оставя службу, воображала пожить на покоѣ, однако, хотя и пользовалась цвѣтущимъ здоровьемемъ, но жила не долго: осматривая постройку собственнаго дома въ Ебатериягофѣ, она, оступившись, переломила ногу, послѣдствіемъ чего была смерть.

въ театрѣ установленнаго числа лѣтъ, чему причиною было то, что во время крымской кампаніи, она провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Севастополѣ въ качествѣ «сестры милосердія»; а какъ извѣстно, мѣсяць севастопольской службы считался за годъ, то Прасковья Ивановна службою на марсовомъ полѣ покрыла недочетъ своего служенія на помостѣ Мельпомены, и получивъ полный пенсіонъ, почила на лаврахъ. Прасковья Ивановна имѣла предстательную, красивую наружность.

Александра Ивановна Шубертъ (родная сестра П. И. Орловой), талантливая водевильная актриса, была особенно хороша въ роляхъ *наивныхъ дѣвочекъ* и *шалуній*. Исполненію такихъ ролей много способствовала ея *миниатюрная, хорошенькая фигурка*, благодаря которой Александра Ивановна на сценѣ казалась совершеннымъ ребенкомъ, хотя перешла съ московской сцены на здѣшнюю уже не въ первой молодости.

Замѣчательна такъ-же была по исполненію ролей: «кухарокъ», «солдатокъ» и вообще «простыхъ бабъ»—Елена Ивановна Гусева, хотя, правду сказать, въ игрѣ ея искусство не принимало участія—въ ней преобладала одна природа. Елена Ивановна и въ жизни была типомъ *простой женщины*; ея фигура, голосъ и манеры были *тяжелы и грубы*, а потому въ каждой роли она представляла *самое себя*, вслѣдствіе чего была *натуральна, но однообразна*.

Елена Ивановна играла буквально до послѣдней минуты своей жизни, потому что умерла за кулисами. Случилось это во время представленія комедіи «Русская свадьба». Елена Ивановна, стоя за декорацией, въ ожиданіи выхода на сцену, и разговаривая съ Алексѣемъ Михайловичемъ Максимовымъ, жаловалась, что съ утра чувствуетъ себя какъ-то *странно, не хорошо*. Алексѣй Михайловичъ

началъ было утѣшать ее, что это отъ усталости (такъ какъ она играла нѣсколько дней къ ряду), или отъ простуды, какъ вдругъ Елена Ивановна, зашатавшись, проговорила: «батюшки, какъ дурно!» а опускаясь на стулъ, подставленный Алексѣемъ Михайловичемъ, добавила: «Алеша! никакъ я умираю?!»

— Что вы! Богъ съ вами! успокоивалъ Алексѣй Михайловичъ и въ тоже время перекрестилъ ее.

Елена Ивановна, закинувъ голову назадъ, потянулась и умерла...

Елену Ивановну отнесли въ уборную. Снятый съ нея костюмъ надѣла Ольга Андреевна Рамазанова, которая и *доиграла* роль покойницы, такъ что публика ничего и не подозрѣвала о драмѣ, разыгравшейся въ ея присутствіи, за кулисами.

Юлія Николаевна Линская, превосходная игра которой еще свѣжа въ памяти современниковъ, начинала свое сценическое поприще не совсѣмъ удачно, чему причиною было то, что артистка, чувствуя и сознавая въ себѣ призваніе къ сценическому искусству, не могла еще точно опредѣлить: *на что именно* она способна? Юлія Николаевна рѣшалась даже играть такія роли, какъ «*Водевиль съ переодѣваніемъ*», т. е. роль *двѣочки*, для которой не подходила ни по лѣтамъ, ни по наружности (Ю. Н. поступила на сцену уже не въ первой молодости), и при томъ не имѣла вовсе голоса, тогда какъ вся роль держится на пѣніи. Затѣмъ, много лѣтъ спустя, по выходѣ уже въ отставку М. Д. Дюръ, когда Юлія Николаевна *отыскала* и имѣла свое амплуа (комическія роли), успѣвши уже пріобрѣсть репутацію даровитой актрисы, она вторично впала въ непростительную ошибку, вообразивъ себя способною на трагическія роли, вслѣдствіе чего рѣшилась

играть роль «Гудулла» въ драмѣ «Эмеральда», и, разумѣется, сыграла очень-очень плохо. Но зато остатокъ своей службы шла прямою своею дорогою, постоянно улучшаясь и совершенствуясь, и пришла къ тому, что сдѣлалась *знаменитою комическою актрисою*. Игра ея была замѣчательна не только по разнообразію и натурѣ, но и по часто создаваемымъ ею весьма оригинальнымъ комическимъ типамъ (напр. «Воспитанница», «Завтракъ у предводителя» и др.), на что способныхъ до нея не бывало во всемъ женскомъ персоналѣ нашей драматической труппы.

Въ частной жизни Юлія Николаевна вполне заслуживаетъ названія: *«несчастнѣйшей женщины»*, чему единственною причиною были ея доброта и довѣрчивость. Ни къ кому такъ вѣрно не подходитъ пословица: *«простота хуже воровства»*, какъ къ Юліи Николаевнѣ. Кромѣ получаемого при театрѣ перваго оклада, она, бывши замужемъ за богачемъ, Ильею Сергѣевичемъ Грозовымъ, *) послѣ его смерти получила въ наслѣдство значительный капиталъ и большой домъ (на Невскомъ проспектѣ) въ пожизненное право.

Едва умеръ мужъ, какъ у Юліи Николаевны оказалась цѣлая стая искренно-преданнѣйшихъ друзей—мужчинъ и женщинъ, изъ числа ея почтеннѣйшихъ сослуживцевъ. Одинъ изъ нихъ, обладающій артистическимъ вкусомъ, находя, что ея квартира имѣетъ несовременную отдѣлку и по обстановкѣ напоминаетъ купеческій домъ, горячо принялся за ея преобразование. Онъ изгналъ изъ квартиры

*) Юліи Николаевнѣ стоило большаго труда испросить *дозволеніе* родныхъ своего мужа на продолженіе сценическаго поприща. Что-же касается самаго мужа, то онъ этому не противился.

все *неприличное* — старинную мебель замѣнилъ новомодною, и за всѣ свои труды и хлопоты попользовался лишь старинною купеческою горкою, наполненною стариннымъ-же дѣдовскимъ серебромъ, увѣривъ Юлію Николаевну, что подобныя украшенія несовременны и мужиковаты, въ замѣнъ которыхъ онъ накопилъ (разумѣется, на счетъ Ю. Н.) различныхъ артистическихъ фарфоровыхъ бездѣлушекъ.

Другой — сдѣлался репетиторомъ Юліи Николаевны. Онъ ежедневно являлся къ ней для *прослушиванія* ролей, пользуясь за это лишь обѣдами, да уходя домой, получалъ кой-какія мелочи: колечко, перстенецъ или булавочку. Бывши знаткомъ и любителемъ живописи, не брезговалъ и масляными картинами, да, горячо любя покойнаго Громова, взялъ на память его ильговую шубу.

Когда репетиторъ въ первый разъ явился въ этой шубѣ въ театр, всѣ восхищались ею, а А. М. Максимовъ, разсматривая и поглаживая мѣхъ, спросилъ:

— Это—*илька*?

Репетиторъ не успѣлъ еще отвѣтить, какъ одинъ *изъ остряковъ* сказалъ:

— Не *илька*, а *Илья* Сергѣевичъ...

Что-же касается друзей женскаго персонала, то ихъ тактика, для взиманія поборовъ съ Юліи Николаевны, была иного рода. Онѣ дѣйствовали такимъ образомъ: увидя на ней какую-нибудь *бездѣлушку*, напр. блондовую мантилью, браслетъ, или брошку — начинали восхищаться.

— Ахъ, какая прелесть!.. Ахъ, какъ это оригинально!.. Это только душка Юлія Николаевна можетъ выбрать съ такимъ вкусомъ!..

Смотришь — Юлія Николаевна и растаяла.

— Вамъ очень нравится?.. возьмите, пожалуйста, на память...

Восхищающаяся, разумѣется, начинается отпѣиваться... Юлія Николаевна настаиваетъ и ужъ, конечно, настаить на томъ, что нравящаяся *бездѣлушка* берется *на память*, лишь *изъ любви къ душкѣ* Юліи Николаевнѣ...

Впослѣдствіи-же, когда дѣла Юліи Николаевны пошли туже, т. е. когда одна половина ея цѣнныхъ вещей разошлась на память между друзьями, а другая распродалась вмѣстѣ съ правомъ на пользованіе домомъ, завѣщаннымъ ей мужемъ; когда она принуждена была обратиться къ займамъ, то у нея нашелся и такой благородный другъ, который помогъ ей занять подъ вексель пятьсотъ рублей, а за хлопоты попросилъ ее лишь расписаться въ ручательствѣ платежа на векселѣ, выданномъ въ занятыхъ имъ для себя—тысячѣ рубльяхъ. Разумѣется, Юлія Николаевна не заспорила и... впослѣдствіи заплатила обоимъ векселямъ своими собственными деньгами. Дѣйствуя такимъ образомъ, Юлія Николаевна дошла до того, что, получая первый окладъ, поспектакльную плату и бенефисъ, а сверхъ того пенсіонъ перваго-же оклада, она терпѣла не только нужду, но *крайнюю бѣдность*, въ которой и умерла.

Все, или почти все, получаемое ею, раздѣлялось между ея многочисленными кредиторами.

Говоря о друзьяхъ Юліи Николаевны, справедливость заставляетъ сказать, что между ними оказался одинъ (правильнѣе: одна) благодарнымъ и искреннимъ.

Этимъ другомъ была никто иная, какъ *сторожиха* при женскихъ уборныхъ Александринскаго театра, по имени Александра. Несмотря на различіе *ранговъ*, Юлія Николаевна питала къ ней искреннюю привязанность и, бывало, безъ *Сашеньки*, какъ говорится, шагу не ступить; за что, какъ оказалось впослѣдствіи, и *Сашенька* платила ей такую-же искренностію.

Когда, соображаясь съ обстоятельствами, всѣ друзья, какъ и водится, отшатнулись отъ Юліи Николаевны, тогда лишь одна *Сашенька* не только оставалась по прежнему къ ней внимательна, но, вовремя послѣдней болѣзни Юліи Николаевны, лишь она одна навѣщала ее ежедневно и она-же *закрѣпила ей глаза*.

Не безъизвѣстно даже и то, что въ жизни Юліи Николаевны бывали такіе случаи, что если-бы не *Сашенька*, то ей по цѣлымъ днямъ приходилось-бы оставаться *безъ пищи*. И одна-же *Сашенька* продолжаетъ и по нынѣ навѣщать всѣми забытую могилку великой артистки. Честь-же и слава *Сашенькѣ!* честь и слава *простой*, благородной душѣ!...

На похороны Юліи Николаевны явились нѣкоторые изъ числа ея бывшихъ *друзей*, и когда одинъ изъ нихъ, положи на гробъ ея лавровый вѣнокъ, произнесъ:

— Вотъ тебѣ нашъ *последній долгъ!*

Тогда въ толпѣ кто-то проговорилъ въ полголоса:

— Одинъ вѣнчекъ-то за все отъ нея отобранное?— Ну, это немного!..

Юлія Николаевна, послѣ смерти И. С. Громова, была вторично замужемъ за актеромъ Аграмовымъ.

Сначала г. Аграмовъ игралъ только въ бенефисахъ своей жены; затѣмъ, по ея просьбамъ, онъ сталъ играть въ бенефисахъ ея товарищей и, наконецъ, былъ принятъ въ дирекцію, точно также лишь во уваженіе ходатайства и личныхъ заслугъ Юліи Николаевны, потому что въ актерахъ подобныхъ г. Аграмову, дирекція никогда не имѣетъ ни недостатка, ни нужды.

Пелагею Кузминичну Громову *) (о которой я упоминаю

*) Урожденная Бормотова, была замужемъ за драматическимъ актеромъ Громовымъ, перешедшимъ съ провинціальныхъ сценъ

наль уже) современники могут сами видѣть и судить о ея талантѣ. Я-же, съ своей стороны, долженъ прибавить лишь то, что по смерти Е. Я. Сосеницкой и Ю. Н. Липской, она осталась единственною замѣчательною комическою актрисою.

Лизавета Матвѣевна Левѣева начала службу съ большимъ успѣхомъ въ водевиляхъ и опереткахъ и, по заслугамъ, пользовалась любовью публики.

Катерина Николаевна Жулева вышла изъ училища такъ же на водевильныя роли и, при своей привлекательной наружности, производила особенные эффекты въ пьесахъ съ *переодѣваніями* и *въ мужскихъ* роляхъ (напр. «Гусарская стоянка», «Дѣвушка-гусаръ» и др.); но, къ счастью, съ лѣтами, Катерина Николаевна отрѣшилась отъ этихъ сценическихъ нецѣлостей, отнеслась къ дѣлу серьезно, обратилась къ ролямъ болѣе приличнымъ своему дарованію и, въ настоящее время, стала актрисою драматическою.

Александра Матвѣевна Читау начала свое сценическое поприще прямо съ драматическихъ ролей, сразу стала актрисою замѣчательною и любимицею публики; но, несмотря на такое удачное начало, оставила искусство (по причинѣ выхода замужъ); однако, черезъ нѣсколько лѣтъ, она снова поступила на сцену, на которой подвизается и донынѣ.

Громаднѣйшую потерю понесла труппа въ двухъ молодыхъ драматическихъ актрисахъ, талантъ которыхъ, обѣщавшій сдѣлаться великимъ, еще не успѣлъ вполнѣ развернуться, когда онѣ обѣ оставили сцену. Одна изъ нихъ—Федосья Александровна Снѣткова, промѣняла сцену на семейную жизнь—вышла замужъ, вторая-же, Александра здѣшнюю, но служившаго очень недолго и умершаго въ молодыхъ годахъ.

сандра Карловна Брошель *), предпочла искусству и дѣятельности полнѣйшій покой— умерла...

Немалую утрату понесла труппа и въ опереточной, подававшей большія надежды, молодой актрисѣ г-жѣ Загородниковой, вышедшей въ отставку.

На сколько припоминается, въ былое время, наша драматическая труппа не терпѣла недостатка *въ силахъ*. Перечтя первый сюжетъ женскаго персонала, припоминаемъ, что и во второмъ его сюжетѣ были довольно замѣчательныя представительницы. Напримѣръ: Анна Семеновна Шелихова, игравшая вторыя водевильныя роли, имѣла красивую наружность, отличнѣйшій голосъ и была очень хороша въ роляхъ деревенскихъ дѣвушекъ.

Ольга Андреевна и Наталья Петровна Рамазановы, послѣ смерти Е. И. Гусевой, раздѣливши между собою ея роли, во многихъ изъ нихъ были довольно хороши.

Мужской персоналъ былъ не бѣднѣе женскаго. Въ немъ находились актеры, которые, не бывши первостепенными, тѣмъ не менѣе считались актерами *необходимыми*, какъ напримѣръ: Петръ Ивановичъ Григорьевъ и Петръ Андреевичъ Каратыгинъ, которыхъ амплуа съ точностію не можетъ быть определено; они играли въ трагедіяхъ, драмахъ, комедіяхъ и водевиляхъ. Играя, ничего не портили, а во многихъ роляхъ бывали даже замѣчательно хороши. Умѣнью ихъ *не портить* ролей способствовала ихъ громаднѣйшая практика: едва-ли проходилъ хотя одинъ спектакль, въ которомъ-бы они не участвовали.

Въ сценическомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, практика весьма много помогаетъ дѣлу. Если даже она и не развиваетъ въ актерѣ его таланта, то, благодаря ей,

*) Г. Брошель умерла въ одинъ день съ Юліей Николаевной Линской.

актера привыкаетъ къ сценѣ, а публика привыкаетъ къ актеру.

Такъ, напримѣръ, въ драматическую труппу изъ балетной перешель Александръ Ефимовичъ Смирновъ, который, несмотря на *недурную*, даже довольно *представительную* наружность, съ перваго появленія на сцену, произвелъ на публику впечатлѣніе не въ свою пользу, и такое впечатлѣніе, въ продолженіе нѣкотораго времени, все возрастало и возросло до того, что появленіе А. Е. Смирнова на сценѣ встрѣчалось или *насмѣшками*, или *неодобрительнымъ шопотомъ*. Несмотря на то, что онъ исполнялъ свои роли хотя и однообразно, однако, всегда осмысленно, Александръ Ефимовичъ, находившійся подъ благоволеніемъ начальства, упорно шелъ по своей дорогѣ, т. е. игралъ каждый день, вслѣдствіе чего публика волей-неволей *должна* была *привыкнуть*, и А. Е. Смирновъ сдѣлался необходимымъ актеромъ на вторыя роли молодыхъ людей.

Что-же касается П. И. Григорьева и П. А. Каратыгина, то они всегда пользовались любовью публики. Оба они *серьезно и честно* относились къ дѣлу. Какъ я уже сказалъ, что въ ихъ репертуарахъ встрѣчались роли, въ которыхъ они бывали замѣчательно хороши. Такъ, П. И. Григорьевъ былъ неподражаемъ въ роляхъ *простыхъ* людей, въ особенности *солдатъ*. Онъ хорошо и вѣрно умѣлъ проявлять *чувства простой, грубой души* (напримѣръ: «Кремневъ», «Жена кавалериста» и др.); кромѣ того, Петръ Ивановичъ считался *мастеромъ* передавать, бывшія тогда въ большомъ ходу, *патріотическія* сцены и пѣть такіе-же куплеты (последніе часто бывали имъ-же и сочиняемы) *).

*) Не смотря на опытность П. И. Григорьева, съ нимъ случился также *артистическій промахъ*: онъ рискнулъ сыграть

Петромъ Андреевичемъ Каратыгинымъ удачно созданы нѣкоторыя изъ водевильныхъ ролей (напримѣръ: «Архивариусъ», «Булочная», «Шила въ мѣшкѣ не утаишь» и др.), а изъ комическихъ: роль Загорѣцкаго въ «Горе отъ ума».

Сверхъ того, оба они очень много писали для сцены водевилей и комедій (П. И. Григорьевымъ написано нѣсколько комедій въ стихахъ). Всѣ ихъ пьесы, въ свое время, имѣли большой успѣхъ и считались репертуарными.

П. А. Каратыгинъ долгое время былъ учителемъ драматическаго искусства въ театральномъ училищѣ. Учителемъ онъ былъ *дѣльнымъ* и *толковымъ*. А. М. Максимовъ и А. Е. Мартыновъ отчасти были учениками Петра Андреевича и пользовались многими его разумными совѣтами.

П. А. Каратыгинъ, за пятидесятилѣтнюю сценическую дѣятельность, удостоенъ такой-же медали, какъ и И. И. Сосницкій.

П. И. Григорьевъ былъ также, одно время, учителемъ драматическаго искусства при театральномъ училищѣ. Тутъ нестати припомнить, что и А. М. Максимовъ занималъ тотъ-же постъ, съ котораго, однако, былъ *удаленъ* весьма скоро, *за чрезмѣрное прилежаніе и усиленное вниманіе къ ученикамъ...*

Петръ Григорьевичъ Григорьевъ сначала былъ актеромъ совсѣмъ *незамѣтнымъ*, получалъ жалованья въ годъ *триста* руб. ассигнаціями. Игралъ незначительныя роли, и когда случилось ему играть въ пьесѣ не изъ русскихъ нравовъ, то онъ казался весьма непредставительнымъ, такъ какъ его чисто-русская фигура отнюдь не подходила къ костюмамъ испанскому, французскому и др. Онъ былъ высокаго роста, съ порядочнымъ брюшкомъ. Лице имѣлъ

первую трагическую роль (Ричарда), въ пьесѣ „Жизнь и смерть Ричарда III“, но рискъ не увѣнчался успѣхомъ.

круглое, съ одутловатыми щеками и маленькимъ носикомъ, ходилъ развалистою походкой. Однимъ словомъ, всею своею внѣшностію напоминалъ русскаго мелкаго купца, или правильнѣе: торгаша.

Онъ писалъ также небольшіе водевильчики въ русскихъ нравахъ (напр., «Филатка и Мирошка или два соперника» и пр.) *), въ которыхъ самъ игралъ мужиковъ и игралъ *не безъ успѣха*, такъ какъ подобныя пьесы наполнялись балаганными прибаутками и балагурствомъ, въ родѣ слѣдующихъ: приказный кричитъ на Филатку: «молчать, мальчишка! разомъ въ солдаты отдамъ!», на что Филатка отвѣчаетъ: «А по мнѣ хоть въ офицеры!» или на вопросъ помѣщика: «хочешь шампанскаго?» отвѣчаетъ: «не хочу шелканскаго» и т. п. Все это очень нравилось публикѣ *высшихъ* слоевъ театра.

Петръ Григорьевичъ, подъ веселый часъ, между товарищами, любилъ копировать апраксинскихъ купцовъ. Правильнѣе сказать: онъ не копировалъ съ натуры, а скорѣе — создалъ фантастическій типъ купца, съ различными поговорками и угловатыми ухватками. (Между-же купцами всѣ эти поговорки и ухватки сдѣлались въ большомъ ходу, лишь послѣ того, какъ они увидѣли ихъ на сценѣ у Петра Григорьевича. Слѣдовательно, купцы копировали его, а не онъ купцовъ). Его заслуга заключается въ томъ, что онъ сумѣлъ создать типъ очень близкій къ натурѣ, который одинаково нравился публикѣ всѣхъ классовъ.

П. А. Каратыгинъ, написавши водевиль: «Ложа 1-го яруса на послѣдній дебютъ Тальони», вывелъ въ немъ

*) На эту тему писалось нѣсколько водевилей; кромѣ „Соперниковъ“, были еще „Филатка—воинъ“, „Филатка—въ маскарадѣ“, да чуть ли не бывало и еще.

незначительную роль купца, являющагося на сценѣ на нѣсколько минутъ. (Вся роль ограничивалась однимъ выходомъ). Но эта самая роль открыла карьеру Петру Григорьевичу и вывела его въ люди.

Петръ Григорьевичъ, играя купца, рисковалъ, несмотря на строгость цензуры тѣхъ временъ, говорить на сценѣ то, чего въ роли не написано, то есть импровизировалъ различные рассказы.

Водевиль этотъ, въ продолженіи цѣлаго сезона, игрался каждый день и часто въ присутствіи Императора Николая Павловича. Его Величество, изволившій очень смѣяться на рассказы купца, однажды, по окончаніи водевиля, выйдя на сцену, заговорилъ съ Григорьевымъ, похвалилъ его и, между прочимъ, изволилъ сказать:

— Кажется, въ прошедшій разъ, ты не говорилъ этого?.. *).

Григорьевъ объяснилъ Его Величеству, что этихъ рассказовъ въ пьесѣ нѣтъ, а что онъ ихъ *оставляетъ отъ себя*.

Императору угодно было задать Григорьеву тему для рассказа къ слѣдующему представленію водевиля.

Григорьевъ замѣтилъ, что безъ цензуры онъ этого не смѣетъ.

На это Его Величество изволилъ сказать:

— Я твой цензоръ, и впередъ разрѣшаю все,—говори, что хочешь.

И такъ, благодаря этой роли, Петръ Григорьевичъ, во-первыхъ, удостоился счастья сдѣлаться лично извѣстнымъ Государю Императору; во-вторыхъ—приобрѣсть распо-

*) Не могу вспомнить, о какомъ именно рассказѣ купца изволилъ говорить Его Величество.

женіе публики; въ третьихъ — заслужить вниманіе сценическихъ авторовъ, которые стали писать собственно для него пьесы, и въ четвертыхъ — по высочайшему повелѣнію, окладъ получаемого имъ жалованья съ трехъ сотъ былъ увеличенъ сразу до тысячи двухъ сотъ руб. (ассигнаціями). Словомъ, Петръ Григорьевичъ *вышелъ въ люди*, или на *закучисномъ* языкѣ — *вошелъ въ репертуаръ*. Тогда онъ сталъ писать различныя *фарсы* и комедіи, непремѣнно съ ролью купца для самого себя *), которыми производилъ эффекты. Наконецъ, извѣстный, тѣхъ время, драматургъ Н. А. Полевой, написалъ для него комедію «Отецъ и откупщикъ, дочь и откупъ» и небольшую драму: «Русскій человекъ добро помнитъ». Эти роли окончательно выдвинули Петра Григорьевича на первый планъ: въ послѣдней изъ нихъ онъ выказалъ свой драматическій талантъ съ громаднѣйшимъ запасомъ неподдѣльныхъ чувствъ и души. По смерти В. А. Каратыгина, Петръ Григорьевичъ игралъ съ большимъ успѣхомъ роль «Иголкина».

Въ послѣднее время своей службы, онъ въ комедіи А. Н. Островскаго: «Не въ свои сани не садись» игралъ роль Русакова, и игралъ несравненно *натуральнѣе* и *задушевнѣе* даже своего однофамильца Петра Ивановича, не говоря уже о прочихъ актерахъ, игравшихъ до и послѣ него эту роль.

Послѣднимъ изъ сценическихъ произведеній Петра Григорьевича была большая комедія: «Лучшая школа — царская служба», которая имѣла большой успѣхъ и, должно сказать, вполнѣ того заслуживала.

*) Пьесы соч. П. Г. Григорьева слѣдующія: «Провинціальный театръ», «Купеческая горка», «Полька на купеческихъ именинахъ», «Хорошъ Петербургъ, да друзья одолбли», «Сбритая борода» и много др.

Кузьма Васильевич Третьяковъ (перешедшій на нашу сцену изъ Москвы), хотя никогда не игралъ ролей первыхъ, но умѣлъ вторыя дѣлать замѣчательными своею *задушевностію* и *горячностію чувствъ*. Благодаря его игрѣ, роль стараго музыканта, въ драмѣ «Коварство и любовь», въ полномъ смыслѣ слова, была *второю ролюю* въ пьесѣ послѣ роли «Фердинанда», игранной *В. А. Баратынскимъ*. Онъ также хорошо игралъ въ трагедіи «Разбойники» стараго Моора и отца Дежермани, въ пьесѣ «Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока». Впрочемъ, всѣхъ его ролей не перечеть, и всѣ онѣ исполнялись имъ одинаково безукоризненно. Но въ чемъ онъ былъ неподражаемъ, такъ это въ роли «Горича», въ комедіи «Горе отъ ума». Высокая, статная фигура, выразительное, съ крупными чертами лице и сильный голосъ, вообще, дѣлали его очень представительнымъ на сценѣ, какъ въ костюмахъ, такъ и во фракѣ.

Кузьма Васильевичъ, какъ человекъ, всеми уважался за его благородство и безукоризненную честность. Со всеми товарищами онъ былъ одинаково хорошъ. Характера добраго, миролюбиваго и веселаго, но вспыльчивъ бывалъ до самозабвенія.

Кузьма Васильевичъ былъ добрымъ христіаниномъ, безъ малѣйшей примѣси ханжества, честнымъ мужемъ и *горячимъ*, любящемъ отцемъ. Причиною его восторженной любви къ единственному малюткѣ-сыну было его рожденіе на 19-мъ или 20-мъ году супружеской жизни; послѣ чего, Кузьма Васильевичъ, всегда любившій и уважавшій свою старушку-жену, сталъ просто боготворить ее.

Какъ я уже сказалъ, что Кузьма Васильевичъ бывалъ очень вспыльчивъ, въ особенности когда онъ, ради компаніи, поддачасъ позволялъ себѣ впадать въ *откровенное настроеніе*. Въ одинъ изъ такихъ часовъ, А. М. Максимовъ

вздумалъ пошутить съ Кузьмою Васильевичемъ, за что едва не поплатился жизнью. Дѣло было такъ: гдѣ-то на сборищѣ актеровъ, сидя за ужиномъ, Кузьма Васильевичъ, очень любившій Алексѣя Михайловича, началъ высказывать ему свое душевное настроеніе, по поводу недавняго рожденія своего сына, и въ заключеніе сказалъ:

— Ахъ, Алешка!.. ты этого не можешь понять!.. ты этого никогда не испыталъ!..

— Захочу, такъ испытаю: стоитъ только переманить Сашу Смирнова отъ тебя къ себѣ на хлѣбъ *).

Едва Алексѣй Михайловичъ успѣлъ произнести свою неумѣстную шутку, какъ Кузьма Васильевичъ поблѣднѣлъ, затрясся всѣмъ тѣломъ и, схвативъ со стола ножъ, кинулся на растерявшагося шутника... Къ счастью, присутствовавшіе успѣли броситься между ними.

Прошло съ часъ времени, въ продолженіи котораго Кузьма Васильевичъ выпилъ несмѣтное количество воды. Наконецъ, успокоясь, извинился передъ Алексѣемъ Михайловичемъ и, *со слезами на глазахъ*, просилъ его:

— Ради Бога, Алешка, никогда не шути со мною подобнымъ образомъ... За что-жъ я отъ такой жены и отъ сынишки-то въ Сибирь пойду?.. Да, вѣдь, и тебя-то, пострѣла, жаль будетъ, вѣдь, я тебя тоже люблю! заключилъ онъ своимъ *громовымъ* голосомъ и обнялъ друга, такъ что у того кости затрещали.

Въ другой разъ, вспыльчивость Кузьмы Васильевича проявила себя довольно оригинальнымъ образомъ.

Случилось ему быть на именинахъ своего задушевнаго друга, Григорья Васильевича Васильева (актеръ и библио-

*) А. Е. Смирновъ, въ то время, жилъ на хлѣбахъ у К. В. Третьякова.